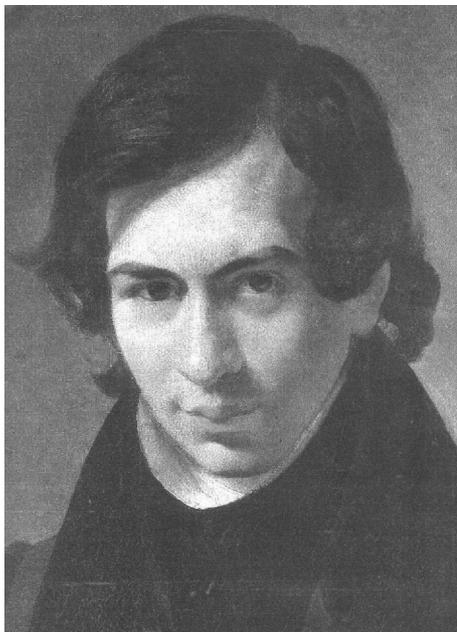

Александр НИКОЛАЕНКО

**Н.В. Кукольник
(1809-1868)**

В декабре 2004 г. исполнилось 195 лет со дня рождения русского писателя, искусствоведа, музыканта и общественного деятеля Нестора Васильевича Кукольника. Сегодня это имя предано забвению, а его творческое наследие остается более 150 лет не востребовано и не изучается. В то же время им сделан большой вклад в культуру XIX столетия, рассмотреть который с позиций социальной антропологии и осветить интереснейшие страницы экономической истории и исторической

географии давно сделалось актуальным.

Родился Нестор Васильевич в семье известного закарпатского ученого-просветителя В. Г. Кукольника, переехавшего в Россию в 1803 г. в царствование Александра I. Россия в это время нуждалась в просвещенных педагогах с энциклопедическими знаниями, так как намеревалась с их помощью и участием организовать собственную систему высшего образования. Сразу после переезда в Россию В. Кукольник стал профессором педагогического института, на базе которого впоследствии был создан Петербургский университет. Одно время он частным образом преподавал гражданское право

великим князьям Николаю (будущему Николаю I) и Константину, являлся автором ряда университетских учебников.

Нестор был младшим сыном профессора В. Кукольника. Родился он непосредственно в здании Петербургского университета, о чем сам вспоминает: «... я персонально имел честь родиться в этом голландском Петровском дворце, над седьмым крыльцом, и увидел свет Божий и Царство Русское из окон здания С.Петербургского университета»¹.

По национальности Н. Кукольник был русином (карпаторусом, как тогда говорили). Отец его, уроженец Угорской Руси, принадлежал к последователям А. Бачинского и происходил из древнего княжеского рода галицийских русинов, о чем он пишет сам в прошении на имя Александра I². По вероисповеданию В. Кукольник был униатом (греко-католиком), и по настоянию жены родившийся сын был крещен по униатскому обряду.

«По желанию матушки отец просил государя быть восприемником, - пишет Н.В. Кукольник, - 23-го октября М.М. Сперанский уведомил отца моего, что государь согласен, и назначил держать царское место министра просвещения гр. Петра Васильевича Завадовского; матушка была в восторге, но батюшка - не думая, и вот причина: надо было пригласить уже не простого попа, а самую важную особу униатского духовенства, каковым тогда и был полоцкий архиепископ Иоанн Красовский. Крестной матери в таких случаях не бывает, а жаль, потому что крестный отец для меня ничего не успел сделать...»³.

Н. Кукольник получил хорошее домашнее образование. Как он сам вспоминает, семейный круг общения состоял из русинов, переселившихся в Россию, и сегодня хорошо известных в истории культуры, таких как И.С. Орлай, П.Д. Лодий. В семье увлекались поэзией, искусством, историей, был семейный театр, ставились спектакли на темы из закарпатской истории. Декорации обычно изображали родные места, что оставило глубокий след в душе молодого Нестора.

«В числе трагедий a la Rasine (все произведения старшего брата Павла) была одна венгерская под заглавием «Эмерик», в которой я имел роль маленького сына Эмерика. Желая сделать отцу приятный сюрприз, Александр Васильевич (брат Н.В. -

А.Н.) откопал где-то вид Оффена или Буды, расспрашивал батюшку о разных особенностях местности, не давая заметить цели... В день представления на венгерскую трагедию натурально были приглашены все карпатороссы: и Орлай, и Балудьянский, и П.Д. Лодий. Дошло до пятого акта. Подымается занавес... Карпатороссы, несмотря на свои лета, вскакивают с места и первый П.Д. Лодий кричит с восторгом: «Буда, Буда!!!»⁴.

Воспитанный в подобных традициях, проявив интерес к музыке, поэзии и драматургии, Н. Кукольник считал себя русином, о чем впоследствии (1857 г.) писал: «Я был сын карпаторосса, хотя и до сих пор еще не видал родных Карпат. Эта любовь к далекой родине никогда не угасала»⁵.

В 1819 г. отец Нестора получает приглашение на должность директора Нежинской гимназии высших наук и с семьей переезжает в Нежин. Считается, что, сделав такой выбор, В. Кукольник добровольно отказался от должности ректора Петербургского университета, хотя есть данные, позволяющие усомниться в такой версии. В ходе выборов ректора университета В. Кукольник был избран лишь проректором: «Для чего же Петербургский университет выбрал себе проректора, а не ректора? - пишет митрополит Киевский Евгений (1819), - Кукольник стоит подлинного имени»⁶. Кукольнику было поручено возглавить временную «конференцию». «Конференция» профессоров ведала организацией учебного процесса, а хозяйственно-административные дела находились в руках ректора. Но ректор не был избран, так как претенденты (Э. Раупах и М. Балудьянский) набрали одинаковое число голосов. Назначен был француз Дюгуров. Этому назначению, по свидетельству того же митрополита Евгения, многие были удивлены. «Новому ректору Петербургского университета, - писал он, - знающие у нас дивятся, как он попал на сию степень из кое-каких учителей. Кукольнику дали ясно понять, где его место: ему было поручено организовать повторные выборы ректора, возглавляя «временную конференцию».

Сомнительно, чтобы в этой обстановке В. Кукольник мог выдвигаться на новые выборы. По крайней мере, официальных документов, подтверждающих, что он баллотировался

на должность ректора, нигде не приводится. По-видимому, эта ситуация наложила свой отпечаток на последующую судьбу В.Г. Кукольника, который в феврале 1821 г. внезапно умер. Есть версия, что в силу пережитого серьезного нервного напряжения он покончил жизнь самоубийством.

Нестор в 1820 г. поступает на учебу в гимназию. Но смерть отца не проходит бесследно. Мать Нестора начинает обвинять профессорский состав гимназии в смерти мужа, и руководство Харьковского учебного округа, куда входила гимназия, не находит ничего лучшего, как просто выселить ее из Нежина. Мать переезжает в подаренное (в аренду) императором имение вблизи Вильно, а сына помещает в Житомирское уездное училище. Вскоро она умирает, и Нестор остается один, на попечении старших братьев.

В 1823 г. директором гимназии становится И.С. Орлай, коллега отца, друг семьи. Нестор возвращается в гимназию, но год оказывается пропущенным, и он начинает учебу как бы с начала, на класс ниже тех, с кем начинал учиться. А среди них были ставшие потом известными деятели русской и украинской культуры, в частности, писатель Н.В. Гоголь, этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, профессор права Редкин, литератор Любич-Романович и др.

В этот период талантливому юноше приходится пережить трудные обстоятельства. Сразу после событий, получивших в русской истории название «восстание декабристов», молодой Нестор попадает под надзор III отделения. Поиски смутьянов и заговорщиков стали нормой. Следили все и за всеми. Гимназический надзиратель перехватывает письмо Нестора, подписанное аббревиатурой «Р.Б.Ш.». Об этом доносят по службе, с предположением, что молодой человек является членом некоей тайной «организации», понимая сокращение «РБ» как «рыцарь Братства». Это становится известным шефу жандармов, и за Нестором устанавливают негласное наблюдение. Ситуация усугубляется тем, что в это же время из-за дерзкого поведения отдельных учеников, вызвавших недовольство отдельных преподавателей, возникает пре-словутое «дело о вольнодумстве». Отдельных профессоров подозревают в том, что они знакомят гимназистов с трудами Канта, Монтескье и т.д., не рекомендованных для препода-

вания. У всех гимназистов делают обыск, находят «вещественные доказательства» и начинают собеседования с подозреваемыми. В число подозреваемых попадает и Н. Кукольник, проявивший интерес к трудами Монтескье, Канта, Локка и др. Он заявляет, что конспектировал их он по собственной инициативе. Тем самым как бы делается попытка вывести из-под подозрения читавшего «вольнлюбивые лекции» профессора Белоусова. Дело усугубляется показаниями Н.В. Гоголя, тетрадь которого с записями лекций Белоусова была изъята у одного гимназиста. Гоголь отказывается признать, что давал свою тетрадь именно этому гимназисту. Он показывает, что давал ее Кукольнику. Таким образом, получилось, что Н. Кукольник не просто интересовался нерекомендованными трудами, но и распространял их среди учащихся. К тому же во время обыска у Кукольника была обнаружена рукопись трагедии «Мария» (из времен Скопина-Шуйского), до нашего времени не сохранившаяся и признанная проверяющими «возмутительной»⁷.

Накануне выпуска Кукольника из гимназии для проверки накопившихся сведений по «делу о вольнодумстве» и разбирательства по существу в Нежин прибывает член Главного управления училищ Министерства Э.Б. Адеркас. Учащиеся, ранее дававшие показания, поддерживавшие Кукольника, под угрозой выпуска без аттестата отказываются от своих показаний и свидетельствуют против него. В конце концов, Кукольника вынуждают признать свою «вину». Дело закончилось для 20-летнего юноши печально. Он был лишен гражданского чина XII класса и золотой медали и еле добился справки о прослушивании курса. Старший брат увозит Н. Кукольника в Вильно без аттестата, с одной справкой. Здесь Кукольник начинает преподавать русский язык в местной гимназии и издает учебник русского языка для литовцев, за что удостоивается благодарности великого князя Константина. Но судьба опять вмешивается в жизнь молодого русина. В 1831 г. вспыхивает восстание поляков. Приходится срочно уезжать из Вильно. Клеймо «РБШ» ведь не снято.

«Врата жизни гражданской отворились передо мною в этом городе, - вспоминал позже Н. Кукольник о своем пребывании в Вильно, - там я был первый раз полезен обществу на

пути новом, трудном, патриотическом [...] Исполнители ревностные, разделяя намерения великого начальства и веруя в их пользу и справедливость по убеждению, мы трудились на новом пути неутомимом небезуспешно; и преподавание на русском языке истории нам помогало»⁸.

В Петербурге начинается новая жизнь и новые испытания. Сын карпаторуса, не пришедшийся по вкусу высшему начальству, греко-католик по вере, он может рассчитывать только на собственные силы. Он любит театр, живопись, бредит музыкой и решает испробовать свои молодые силы на этом поприще. Но первые попытки наталкиваются на естественное в таких случаях неприятие. Не окунувшись в столичные интриги, преклоняясь перед авторитетом Пушкина, Каратыгина, Брюллова, он действует прямолинейно, бесхитростно и ... оказывается ни с чем. Он за бесценок продает свою юношескую драму «Торквато Тассо», и тут же на сцене появляется аналогичная драма с таким же названием, но другого автора. Не оставляя надежды на лучшее, Кукольник создает новые драмы и среди них вошедшую в историю «Руку Всевышнего».

Театр отказывается принять на сцену эту драму. Заведующий всем театральным репертуаром Александринского театра Р. Зотов утверждает, что драма не выдержит и одного представления. Кукольник отказывается от вознаграждения, но тщетно. Тогда он решается на смелый шаг. Он пробивается домой к супругам Каратыгиным и уговаривает их прочесть драму. Драма нравится актерам, и они решают поставить ее в свой бенефис на свой страх и риск⁹.

На первое организованное таким образом представление случайно попадает император. Он обращает внимание на драму, но выражает недовольство декорациями. И тут уже тот же Зотов, который совсем недавно ни во что не ставил драму, разбивается в лепешку, но выполняет волю императора. На декорации тратят 40 000 руб. И бенефис приносит успех как автору, так и Каратыгиным. Драма становится официальным эталоном патриотической драматургии. Ей рукоплещет сам Николай I. Успех вскружил голову молодому автору, но полицейский надзор, преследующий его с гимназии, только усиливается. Его личным цензором сразу после успе-

ха назначается сам Бенкендорф. Возникает непонимание и между Кукольниковом и обществом, которое видит в нем приспособленца.

Кукольник *«разочарован двором, - записал в дневник А. Никитенко. - Не знаю, искал ли он его милостей или только хотел прикрыться его щитом. Как бы то ни было, а его положение незавидно. Каждое произведение свое он должен представлять на рассмотрение Бенкендорфа. С другой стороны, он своими грубыми патриотическими фарсами, особенно «Скопиным-Шуйским», вооружил против себя людей свободомыслящих и лишился их доверия»¹⁰.*

Вот как об этом говорит сам Н.Кукольник: *«Потребности создания и учения радужными завесами скрывали от меня все недостатки нашей сцены; случай поставил меня в общество истинных артистов, тем менее я мог видеть остальных действующих деятелей закулисного мира. Первая моя театральная драма была написана в осьмнадцать дней; успех ослепил меня. В гордости, едва свойственной моему возрасту, при необыкновенном успехе моего труда я вообразил, что в самом деле могу оживить сколько-нибудь нашу осиротевшую сцену... Вторая пьеса новым успехом еще более убедила меня в ложных предположениях, но, по счастью, третья, лучшая, по моему мнению, наиболее обдуманная, с большею внимательностью обработанная, вполне разрушила очарование. Я понял мои недостатки и признаюсь познакомился с некоторыми недостатками ...»¹¹.*

Много лет спустя литературоведы и театроведы, воспитанные на системе Станиславского и пропагандирующие психологический театр, резко критикуют Кукольника. В его драмах нет действия, а есть одни монологи. В чем же тогда причина успеха драмы, а точнее, драм Н. Кукольника? Для всех специалистов того времени эталоном стали «Ревизор», «Не в свои сани не садись», «Чайка». А тут длинные монологи, патриотические выступления, хорошо поставленная речь Каратыгина и отшлифованное до тонкостей жестикулирование.

В 1898 г. газета «Новое время» (№ 8188 от 12 декабря) в статье безымянного автора так рассуждает на эту тему:

«На первый взгляд, непонятен тот бурный успех, который имели эти драмы даже в свое время. Как бы там ни было, а

лишенные драматизма, состоявшие из длинных и скучных монологов драмы представлялись материалом неудобоваримым и даже скучным. Бурный успех их может быть объяснен лишь немногими искренними лирическими отступлениями автора и особенно теми патриотическими, возвышающими русский народ тирадами, которые он вкладывал в уста своих героев, не только русских, но и иностранных»¹².

И после такого пространныго рассуждения, в котором «бурный успех» объясняется всего лишь «немногими (!) искренними лирическими отступлениями», что само по себе странно, автор делает многозначительный вывод: «Таким образом, причина успеха драм Кукольника лежала не столько внутри их, сколько в чисто внешних обстоятельствах».

Так ли это? Возможно, что так. Еще современники отмечали одну особенность драм Кукольника. «Мы благоговели, видя, что участвовало небо в происшествии» - писал критик литературного приложения к «Русскому инвалиду»¹³. Влияние неба, конечно, было и у Шиллера в «Жанне д'Арк», но у Кукольника это влияние разливает по драме «характер, коим отшлифовывается православная вера от иностранных». Отшлифовывается, но прямо об этом говорится не словом, а чем-то неопределенным, ощущаемым как поэзия, передающаяся внутренней красотой монолога, изяществом движения тела актера. Русской мыслью здесь была идея чудесного спасения Руси как зримое выражение власти Провидения. Это же отмечают и современные русские исследователи: «Кукольник писал своего рода мистерию, в которой наряду с историческими лицами действуют провиденциальные силы, причем усилия и людей, и внеличных сил направлены к одной цели. Результатом было произведение, находящееся в обратном отношении к античной трагедии или к романтической трагедии рока»¹⁴.

Как обычно сегодня воспринимается читателем Слово, сказанное автором? Появляясь из сферы бессознательного, Слово стремится организовать себе пространство средствами языка. Таким образом, автором создается такой поэтический текст, который заставляет читателя (слушателя) лично-стно реагировать на него. Если бессознательный настрой читателя в данный период как-то совпадает со звучанием и

значением текста, то говорят, что автор выразил мироощущение своего поколения. Если же поэтический текст так заразителен, то читатель (слушатель) заражается им до такой степени, что становится носителем мироощущения поэта¹⁵. Правда, это возможно только в том случае, если, как писал Чаадаев, «слово звучит лишь в отзывчивой среде». Не отрицая этого, Кукольник пытается идти своим путем, путем создания такого пространства Слова, которое бы позволяло читателю (слушателю) самому прочувствовать, создать новую идею, пусть до сей поры и не известную, не выражающую мироощущение всего поколения или времени, а являющуюся собственной идеей данного индивидуума («особняк»), как любил говаривать Н. Кукольник). Он не стремился к глобализации (почему все должны ощущать оно и то же, пусть и мировоззрение, но единое?). Он хотел заставить читателя (слушателя) думать, причем думать самостоятельно. Тогда и возникает «отзывчивая среда». Приемы для этого он изобретал различные.

Одним из таких приемов было применение в тексте молчания (умолчания). Для этого он прибегает к мистицизму (те самые «внеличные силы»), использует сложный символизм. Актер у Кукольника должен выполнять функцию, подобную роли священника, - открывать людям мир некоей трансцендентной правды. Театральное действие превращается в своеобразный ритуал, который должен происходить почти в литургической атмосфере. Именно эта атмосфера, а не действие, должна вызвать у зрителя недостижимые (в том числе и психологически) в обычной жизни чувства и, конечно, горячий патриотизм.

Ф. Кони в своей рецензии на провалившуюся драму «Князь Холмский» практически и сказал об этом: *«И здесь, как и во всех фантазиях Кукольника, есть пророчества о том, что уже давно сбылось, эти торжественные фигуры умолчания, которые дают Каратыгину возможность высказать во всем блеске свой декламаторский дар и сорвать несколько невольных рукоплесканий»*¹⁶.

Не всегда поиски приводили к желаемому. Чаще они приводили к противоположному результату. Ведь известно, что думать не все желают, а тем более могут. И Кукольник это

прекрасно понимает: *«Всякий смотрит на оконченную работу в исцарапанных очках незнания, - пишет Н. Кукольник в своем «Письме к потомкам» (1855), - в микроскоп всегда увеличивающегося невежества; или освещает дорогой стих, которым в сладкую минуту прозвучало сердце; сдавленное этим странным посторонним страданием, которому нет имени, зовите его вдохновением; оно и сладостно, и больно; зовите его, как хотите; вы люди ложной мысли, ложного ума, ложного чувства, ложного рождения»*¹⁷.

Остался вне внимания русской критики и тот факт, что Н. Кукольник был по происхождению русином, и история его прародины подсознательно отражалась в его творчестве. Так, например, Н. Кукольника обвиняли и продолжают обвинять в восхвалении самодержавия. Он как бы выступает апологетом самодержавия, противником демократии, причем такой, какую несли Белинский, Некрасов, Чернышевский и позже воспитанные на их работах народовольцы, революционные демократы, большевики- ленинцы. Забывают, что русинский народ на собственной истории испытал все «прелести» демократии, конституционного строя, к которому Австро-Венгрия пришла раньше России. Подтвердим сказанное выдержкой из А. Добрянского (статья «Где выход?») из журнала «Славянский век», Вена, 1901, №№ 14 и 16):

«... высиженные и тщательно взлелеянные в национально-смешанных сеймах злополучные национальные распри обострились до такой степени, что делают невозможною плодотворную деятельность даже рейхсрата, что угрожают серьезною опасностью и без того уже пошатнувшемуся могуществу австро-венгерской монархии».

*«...единственным непогрешимым средством, которое может привести к основательному оздоровлению запутанного положения вещей во всех отношениях и которое, в виду нынешнего положения дел, могло быть приложено путем императорского рескрипта»*¹⁸.

Вот эту идею применительно к России и проводил Н. Кукольник в своих произведениях. Но ее не понимают и современные литераторы. Мы имеем в виду пасквильный характер высказывания о национальной принадлежности Н. Кукольника в повести украинского писателя Ю.М. Мушкетери-

ка¹⁹. Рассказывая о споре Кукольника с Булгариным, заявившим, что малороссы покоряют столицу, автор так излагает аргументацию Н. Кукольника:

«- Я не малоросс, а карпаторосс.

- По-моему, это одно и то же, - произнес Полевой. - Малороссийская по-своему славна. Ее народ певучий и поэтический...

- Нет такого народа и такой истории - хмуро бросил Кукольник. - Украина - окраина России. Этим сказано все. Малороссы не дали миру ничего.

- А штаны, они одели тебя в штаны, - захохотал Воейков...»

Трудно сказать, чего тут больше: издевательства или невежества, незнания тысячелетней истории карпаторусов или непонимания конкретных повестей Кукольника на украинские темы. И вот такие «допатриоты» сегодня недвусмысленно осуждают Переяславскую казачью Раду 1654 года, принесшую Украине, по их мнению, «недолю»²⁰.

Чтобы показать самодержцу, какими качествами он должен обладать как монарх, Кукольник в своих повестях о Петре Великом показывает образец монарха. Но и к этой стороне творчества Кукольника русская культура тоже оказалась глуха. На нее обратил внимание уже в XX веке финский исследователь Е. Курганов, заметивший, что *«Кукольник стоял на позициях демократического, а не аристократического монархизма. Он отвергал лидирующее значение, превосходство какого-либо одного сословия, считая, что человека на общественном поприще должны продвигать только заслуги перед монархом и отечеством. В связи с этим понятно, почему Кукольника так привлекала петровская эпоха: обращение к ней давало возможность ненавязчиво, осторожно, предельно естественно выразить свою оппозиционность, свое понимание идеала монарха, выделяя в облике царя простоту и демократизм»*²¹.

Нельзя также не упомянуть и о другой особенности творчества Кукольника, которая тоже до сих пор остается незамеченной. Речь идет о том, что поэзию, художества и музыку Кукольник, в равной степени хорошо владевший каждым из этих искусств, считал единым целым. Он часто не понимал прозу без музыки, а художества считал дополнением к про-

изведению. Хорошо известны рисунки и гравюры К. Брюллова на сюжеты Кукольника или музыка к драмам Кукольника. Но, рассматривая музыку отдельно от драмы (например, «Князь Холмский»), исследователи признавали гениальность музыки, а поэзию Кукольника в драме, вызвавшую эту музыку, не замечали и не ставили ни во что. Имеются исследования, утверждающие, что музыка драмы, дескать, написана на другой сюжет, не так, как его задумал Кукольник, а так, как его понял композитор²². Договорились даже до того, что слова к знаменитым романсам Глинки «Прощание с Петербургом» и «Сомнение» создал не Кукольник, а сам Глинка²³. И данное веяние становится модой. Каждое новое исследование по Кукольнику, даже спустя 100 лет со дня его смерти, только увеличивает число подобных курьезов, выполненных авторитетными людьми с большими учеными степенями и званиями

Опубликованный через 20 лет после его смерти «Дневник» признается, ни много ни мало, а «фальшивкой»²⁴, письмо Глинки к Кукольнику, автограф которого был у В. Стасова, но потом затерялся, признается тоже фальшивкой. Утверждается, что М. Глинка его не писал, а автором его является сам Кукольник²⁵.

Остается только сожалеть, что на основании большинства подобных «исследований» готовятся и защищаются диссертации, делаются доклады на научных конференциях, публикуются научные статьи.

Кукольник не был воспринят русской культурой, хотя он работает и только за 1840-1845 гг. напечатал 5 романов, 26 повестей, 5 драм и множество стихотворений. С 1836 по 1842 г. Кукольник издавал «Художественную газету», в которой ему принадлежит большая часть текста, позже - «Дагеротип», в 1845-1847 гг. - «Иллюстрацию». В этот же период вышли «Сказка за сказкой» (СПб, 1841) и «Картины русской живописи (СПб., 1842-1843)»²⁶. В конце жизни Кукольник пишет публицистику, затрагивающую актуальные темы: об управлении страной, об административном устройстве государства, об образовании, о роли женщины в обществе, о местном самоуправлении и т.д. Однако до сего дня нет даже полной библиографии его работ, многие рукописи безвозврат-

но утрачены, а те, что сохранились, лежат мертвым грузом, ненапечатанными. И в этом надо видеть следование традициям «неистового Виссариона», который прямо признавался, что он не понимает Кукольника («*Не понимаем, что это такое?*») - говорит он о «Дагеротипе»).²⁷ Белинский был не одинок. И. Тургенев, а позже В. Стасов, которые к тому же многое не воспринимали в русской культуре (К. Брюллова, И. Репина), негативно относились к Н. Кукольникову. «*Всех этих Даргомыжских, да Балакиревых, да Репиных волна смет и унесет вместе с песком и всяческой пылью*», - пророчествовал И. Тургенев. Стасов даже отнес Кукольника к «тормозам русского искусства» (1882), а Тургенев - к основоположникам «ложно-величавой школы» (1869), хотя оба выросли и стали на ноги не без влияния трудов представителей этой школы и этих «тормозов». Типичное русское неуважение к памяти предков, непонимание роли предшествующих поколений.

В 1834 г. Кукольник знакомится с М. Глинкой. Постепенно знакомство перерастает в большую дружбу. Кукольник помогает Глинке при создании опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Но сегодня этот факт также усиленно замалчивается русской культурой. Признавая, что Глинка вынужден был изменять либретто официального либреттиста Г. Розена, исследователи предполагают, что помощь в этом изменении Глинке оказывал не Кукольник, а... Жуковский. И даже тогда, когда помощь Н. Кукольника очевидна и ее опровергнуть невозможно (добавочная сцена Вани в «Жизни за царя») утверждается: «*Автор «Руки Всевышнего» приблизил образ мальчика к излюбленным персонажам своих драм, по любому поводу раздражающимся трескучими монологами*»²⁸.

К 1836 г. возникает знаменитый в свое время «триумvirат» - Глинка, Брюллов, Кукольник. И здесь «доброжелатели» доказывают, что целью триумvirата (они часто называли себя «братией») является не создание необходимой творческой атмосферы («богемы», как принято называть для аналогичных сборов творческих людей Запада), что было на самом деле, а элементарное бытовое пьянство. Подходя к яв-

лению с позиций плоского морализма, критики даже свидетельства современников не принимают во внимание.

Н.А. Струговщиков, член «братии», хорошо знавший бытовавшие там порядки, в своих воспоминаниях писал о таких «порицателях «братии»:

«И порицатели были правы: правы не в нападках на возлияния Бахусу, от которого были не прочь и друзья Виейльгорского, Одоевского и Соллогуба, чему я бывал живым свидетелем, правы были порицатели в том, что вся кукольниковская компания не внесла в нашу литературу ни одной новой, сильной мысли, не выработала ни одного здорового общественного принципа, как это не сделали и гостинные наших меценатов с их Жуковскими и Вяземскими»²⁹.

Но и до сих пор безосновательно считается, что Кукольник - человек, «за которым на полтора столетия закрепилась репутация записного гуляки и пьяницы»³⁰.

В 1843 г. Н. Кукольник поступает на службу в военное министерство. Его делают чиновником по особым поручениям военного министра. И он со знанием дела выполняет эти поручения. А они различны. Здесь и вопросы быта военных поселений, и выработка предложений по развитию каменноугольной промышленности на юге России, и подготовка замены откупов акцизами на спиртное, и организация поставок продовольствия в действующую армию во время Крымской войны, и многие другие, менее значимые вопросы. Эта многогранная сфера деятельности Н. Кукольника вообще не отражена в русской исторической, экономической и социологической науке. Вроде бы ее и не было. Пишут только, что он был чиновником и практически перестал писать. Представленный в 1847 г. Николаю I доклад Н. Кукольника о состоянии каменноугольной промышленности, который был одобрен и реализовывался по царскому указанию, нигде даже не упоминается, хотя он и содержал ряд таких предложений, как акционирование угледобычи, строительство железной дороги, освоение богатств Западного Донбасса (впоследствии многие идеи Кукольника углубил и успешно реализовал английский промышленник Юз), обеспечение судоходности гирл Дона и т.п.

Поворотным, на наш взгляд, для Кукольника явился 1848 год. В этот год произошли известные венгерские события, где правительство России поддержало Австро-Венгрию. Ранее (1839) Николай I ликвидировал греко-католическую веру на территории России. Свое значение сыграли и те события, свидетелем которых был Н. Кукольник в годы Крымской войны. Все это привело к тому, что он резко меняет свое отношение к русскому гражданскому обществу, к русскому патриотизму, русскому чиновничеству, которое погрязло в коррупции, иначе смотрит на роль русской женщины-матери в воспитании детей. Подтвердим это только одной цитатой из его записной книжки:

«Вместо того чтобы писать исторические романы и драмы, учиться и приготовляться к истории, наконец, пожалуй, и служить по части науки, художеств, просвещения, высших служебных соображений, я отправился считать кули с мукой и смотреть, только смотреть, искусно ли плутуют и мошенничают люди?»

Насмотрелся! Сначала в Воронеже я видел, как плутуют патриоты, и даже сам сплutowал, написал об этом плutowстве журнальную статейку, но ей - Богу, нечаянно! Я верил Русскому Патриотизму от души, я восхищался этим великолепным маскарадом, не зная, что (он) из моды машинально»³¹.

Изъездив всю Европейскую часть России, непосредственно видевший жизнь не из окон Невского проспекта, Кукольник обращает свое внимание на социальную сторону, которую раньше сознательно обходил. В 1850 г. в своих метаниях над вторым томом «Мертвых душ» его однокашник Н. Гоголь ищет встречи с ним. Выполняя задания по испытанию антрацитового топлива, в марте 1850 г. Н. Кукольник приезжает в Москву, где встречается с Гоголем³². Они видятся чуть ли не ежедневно вплоть до отъезда Н. Кукольника. О чем они беседовали, мы не знаем. Воспоминания? Возможно. Но, несомненно, тема «Мертвых душ» должна была занять в их беседах основное место. По крайней мере, анализ отдельных статей Гоголя в «Выбранных местах» показал, что их тематика перекликается с тематикой статей Н. Кукольника, что лежат и сегодня ненапечатанными³³.

«Я и рукой махнул на все, - пишет он несколько позже, в 1859 г. другу в Петербург, - везде, во всем и всегда обманутый, я получил отвращение от этого мира. Мне ничего не нужно. Умрется как-нибудь, но пока живется...»³⁴.

Н. Кукольник подает в отставку и, получив отпуск, едет за границу на лечение. В это время в его дневниковых заметках появляется запись: *«Поедем! - мне так скучно в Петербурге. Смерть Глинки обличила, что нравственное состояние общества не изменилось, но еще глубже запало в волчью яму, так искусно выкопанную чужеземцами. Патриоты надеялись на войну (Крымскую - А.Н.), что она соскоблит с нас гниль иноземную, до живого русского тела; разбудит патриотизм одряхлевшего общества. Ничего не бывало. Напротив того, сознание в национальной ничтожности сделалось глубже, крепче в высших слоях общества и печально, четко выразилось в последнем концерте, данном в память и, вероятно, в последнюю память Глинки. Бежать от них! Бежать хоть на время, потому что обстоятельства приковали мои ноги к этой несчастной земле, на которой есть жители, но нет еще граждан, меня выпустили на время, как узника, которого не хотят на смерть уморить духотой темницы»³⁵.*

Он тяжело переживает смерть своих друзей К. Брюллова и М. Глинки. И неожиданно для всех в 1858 г. оставляет опостылевший ему Петербург и переезжает в Таганрог: *«Слава Богу, - пишет он в 1863 г. Н.Рамазанову, - я вышел из литературного омута так чист по совести, как ни одному из нынешних деятелей, вероятно, не удастся, а потому мнение Каткова, Писемского, всего Собора московских и петербургских, особенно нынешних литераторов не может меня ни оскорбить, ни огорчить»³⁶.*

О причине переезда высказывается много разных версий. Перечислять их нет необходимости, но похоже, что им движет желание остаток дней своих посвятить освоению несметных богатств Западного Донбасса, о которых он докладывал еще в 1847 г. императору. Для этого он обосновывает и добивается строительства железной дороги Харьков-Таганрог, идущей через весь Западный Донбасс³⁷. Дорога сдана в эксплуатацию в 1869 г., спустя год после смерти Н. Кукольника.

В Таганрогский период жизни Н. Кукольника основной становится его общественная деятельность. Он ставит вопрос о создании в Таганроге общественно-политической газеты, но наталкивается на противодействие генерал-губернатора А. Строганова. Да и как можно открывать такую газету в Таганроге, если на то время Одесса, центр губернии, своей газеты не имеет?

В 1857 г. он ставит перед министром народного образования Норовым вопрос об открытии университета, обслуживающего юг России («между Азовским и Каспийским морями»). На записке есть положительная резолюция императора Александра II. Ее направляют для заключения попечителю Одесского учебного округа Н.И. Пирогову. Известный хирург, в это время работавший на ниве образования, высказывается против, называя земли между Азовским и Каспийским морями «*страной полудикой*»³⁸, и университет открывают в Одессе. Н.Кукольник добивается открытия окружного суда в Таганроге и обращается к Александру II с запиской по вопросу злоупотреблений, допускаемых местными чиновниками, для чего предлагает выделить побережье Азовского моря в особый регион типа губернии, но успеха не добивается.

Кукольник продолжает писать. В отличие от прежних лет, когда основным сюжетом у него был патриотизм и судьба творческого человека в обществе, у него на первый план выдвигается социальная тематика. Он пишет роман «Две сестры» о польском восстании 1863 г. и драму «Гоф Юнкер» о коррупции, которая уже в то время разъедала общество. Роман с трудом удастся опубликовать, а драма была запрещена цензурой и так и осталась в рукописи до сего дня. Он задумывает цикл воспоминаний и эссе под название «Письма к потомкам», но его отказываются печатать. Ряд своих публицистических статей он публикует анонимно, без какой-либо подписи.

Ощущая неприязненное отношение властей к себе, Н. Кукольник в последние годы своей жизни пишет произведения специально изобретенным им шифром. Рукописи только недавно расшифрованы. В них Н. Кукольник предсказывает незавидное будущее России, которая превратится в подобие

публичного дома, где все продается и покупается. Для того чтобы добиться нужного социального воздействия на читателя, Н. Кукольник избирает эротический жанр. Действующими лицами выступают конкретные высокопоставленные лица, элита общества, которая в миру говорит одно, а делает другое, рассуждая «об уважении ко всем». Выбранный жанр делает эти зашифрованные произведения эпатирующими, показывающими, до какой степени дошел упадок нравственности современного Н. Кукольнику общества.

В своем творчестве Н. Кукольник отдельно не затрагивал карпаторусской тематики. Трудно сказать, чем это объяснить. Возможно, тем, что он находился под постоянным надзором шефа жандармов. Но то, что он понимал и разделял стремление народа, к которому принадлежал, к национальному самоопределению, к сбережению традиций и национальных особенностей, несомненно. Об этом он пишет в 1863 г. в письмах к Кушелеву-Безбородко:

«Я слишком далек от пошлого славянофильства, но признаю необходимость исторической славянской лихорадки, которая должна, как период переходной, перевести нас к более общим принципам всецелого человечества. А потому, выдерживая борьбу с фанатизмами, мы должны понимать их и стойко держаться идеи братства славянских народов. Теперь оно кажется возможным, но с развитием России в либеральном смысле оно более чем возможно и верно»³⁹.

Будущее Н. Кукольник видел в образовании народа *«Одну проповедь читать нужно: учитесь, - пишет он А. Краевскому 3 февраля 1861 г. - Учитесь крепче, учитесь глубже. Не воскресные школы, ... ныне народные школы, крепко обязательные, вот что нам нужно. Дороги и школы, школы и дороги; а тогда научимся и поедем прямым путем»*. Об этом он пишет в 3-м Азовском письме, говорит в Таганроге на торжественном обеде, данном по случаю отмены крепостного права и др. Мысли Кукольника перекликается с идеями карпаторусских деятелей того времени. Так, А.И. Добрянский видел будущее русинского народа не в политике, а в просвещении и истинно христианской вере (1886) (см.Ф.Ф. Аристов, 1916, с.176).

Умер он внезапно, 8 (20) декабря 1868 г., собираясь в театр. Протягивая жене коробку конфет, он внезапно падает бездыханным. По городу распространяется слух, что его отравили. Слух этот бытует до сего времени, не опровергнутый и не подтвержденный⁴⁰.

Показательна посмертная судьба Н. Кукольника. В 1931 г. могилу его оскверняют, прах выбрасывают. Останки Кукольника и его жены долго лежат среди мусора и зарослей лопуха, пока не исчезают в неизвестном направлении. Зброшенная могила несколько лет (примерно около пяти) зияет, как раскрытое жерло. В 1968 г. все, что осталось от могилы, было вывезено на свалку со строительным мусором при планировке строительной площадки.

Отдавая дань памяти Н. Кукольника, надо сказать, что его судьба, его любовь к России, вера в Россию и та незаслуженная неприязнь к нему некоторых представителей культуры России должны стать сегодня хорошим жизненным уроком. И хотя Н. Кукольник не востребован сегодня русской культурой, хочется верить, что русская и мировая культура не останутся безразличны к этой выдающейся личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукольник Н. Статья без заглавия // Сын Отечества. 1858. № 1. С. 18.
2. ЦГИА. Фонд 1343. Опись 23. Дело 10215. Л. 78 и об.
3. Кукольник Н. Мои воспоминания // Исторический Вестник. 1891. № 7. С. 79.
4. Там же.
5. Кукольник Н. И.С. Орлай (из записной книжки) // Гимназия и лицей Высших наук. 1857 г. С. 76.
6. Письма Митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский Архив. 1889. Кн. 2. С. 179-181.
7. Машинский М.С. Чемодан Адеркаса. Москва, 1974. С. 4-104.
8. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. № 74. Л. 49.
9. Каратыгина А.М. Воспоминания // Каратыгин П. Записки. Ленинград, 1939. С. 122.
10. Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Том 1. Запись от 10 января 1836. Москва, 1955.

11. Кукольник Н. Рецензия «Репертуара» и «Пантеона» // Русский Вестник. 1841. Т.1. С. 199-222.
12. Неизвестный автор. К 30-летию со дня смерти Н.В. Кукольника // Новое время. 1898. № 8188.
13. Неизвестный автор. О драме // Литературные приложения к «Русскому инвалиду». № 40-42. С. 316-336.
14. Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии XVII - первая половина XIX века. Москва, 1982. С. 237-267.
15. Огарышева Н. Все мы - загадочный текст // Литературная газета. 2003. Апрель. № 14.
16. Кони Ф.А. Князь Даниил Дмитриевич Холмский (рецензия) // Литературная газета. 1841. № 113.
17. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. Ед.хр. 33. Л. 10-11.
18. Цитируется по: Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Т. 1. Москва, 1916. С. 207.
19. Мушкетик Ю. Жовтий цвіт кульбаби. Собрание сочинений в п'яти томах. Том 1. Київ, 1987. С. 486- 696.
20. Юрий Мушкетик вийшов з оргкомітету // Літературна Україна. 4 червня 2002. № 25.
21. Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи // Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки. 1995.
22. Туманина Н. Музыка Глинки к трагедии Кукольника «Князь Холмский» // Сборник материалов и статей. Москва-Ленинград, 1950. С. 214-215.
23. Рыбакова П. Глинка и Кукольник // Советская музыка. 1957. № 2. С. 61-64.
24. Штейнпресс Б.С. «Дневник» Кукольника как источник биографии Глинки // Глинка. Исследования и материалы. Москва-Ленинград, 1950. С. 88-118.
25. Розанов. Комментарий // Полное собрание сочинений М.И.-Глинки. Литературные произведения и переписка. Том второй Б. Москва, 1977. С. 295-303.
26. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XVI. С. 945.
27. Белинский В.Г. Собрание сочинений. ИАМ АН. Том 6. С. 186.
28. Гозенпуд А. Русский оперный театр XIX в. Ленинград, 1969. С. 65.

29. Струговщиков А.Н. Михаил Иванович Глинка // Глинка в воспоминаниях современников. Москва, 1955. С. 186-198.

30. Абрамов В. Слухов об отравлении Кукольника ходило много... // Чудеса и приключения. 2003. № 2. С. 35-37.

31. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. Дело 90. Л. 1. «Статейка», о которой идет речь была напечатана в газете «Воронежские губернские ведомости» за 1854 г. № 13, 14.

32. Данилов В.В. Несколько новых дат к хронологической канве Н.В. Гоголя // Гоголь: статьи и материалы. Ленинград, ЛГУ, 1954. С. 385-286.

33. Николаенко А.И. Гоголь и Кукольник // Література та культура Полісся. Вип. 14. Ніжин, 2000. С. 46-56.

34. Отдел рукописей ГПБ. Фонд 402. Опись 2. Дело № 12.

35. Отдел рукописей ГПБ. Фонд 402. Ед. хр. 1. Л. 6-7.

36. Шукинский сборник. Вып. 6. Москва, 1907. С. 424-425.

37. Кукольник Н. Письмо к редактору // Содействие русской торговле и промышленности. 1868, 21 марта. № 60. С. 268

38. Пирогов Н. Критический разбор Пироговым записки Кукольника о необходимости учредить в Таганроге университет. ГАРО. Фонд 579. Опись 1. Дело 493. Л. 1 и об.

39. ГПБ, Отдел рукописей. Фонд 391. Опись 1. Ед. хр. 405. Л. 6 и 7 об.

40. Марсов А. Загадочная смерть Нестора Кукольника // Аргументы и факты на Дону. 2001. № 50.

Иллюстрация Портрет Н. Кукольника работы К. Брюллова (Третьяковская галерея). Фрагмент.